

З А М И С К И

О

М О С К В Ъ

И

О ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЯХЪ

ОТЪ ИСХОДА 1812

ДО ПОЛОВИНЫ 1815 ГОДА,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ СТАТЕЙ :

**I) АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
И НАПОЛЕОНЪ.**

II) НАПОЛЕОНЪ И МОСКВА.

Сочиненіе Сергѣя Глинки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ законное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 12 Ноября, 1857 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

*Къ запискамъ отъ исхода 1812 до
половины 1815 года.*

Съ душевною благодарностію читалъ я два извѣщенія о моихъ Запискахъ о 1812 годѣ: одно, писанное краснорѣчивымъ перомъ Я. И. Турунова, другое безыменное, дышущее радушнымъ доброхотствомъ и помѣщенное во второмъ томѣ Библиотеки для чтенія 1857 года. Оба извѣщенія, какъ будто переселили меня вдаль минувшей четверти вѣка одушевленными воспоминаніями

о томъ незабвенномъ времени , къ которому относятся мои *Записки*; изъ него вышли онѣ, ему и должны принадлежать. Сочинители извѣщешій, переносясь мыслию въ годъ *самоотреченія* , такъ пламенно высказываютъ его, какъ будто сами въ немъ жили и видѣли великія его событія: иначе и быть не могло. Затмитъ ли время нѣкоторыя черты въ рамкахъ исполинской картины 1812 года? Но духъ самоотреченія, возставшій тогда за жизнь отечества, въ немерцающемъ объемѣ будетъ переходить изъ вѣка въ вѣкъ до тѣхъ дней, доколѣ не исчезнетъ въ душѣ сила нравственная, охраняющая народы и человечество. Сказаль я, и здѣсь повторяю, что 1812 года *духъ самоотре-*

ченія былъ тѣмъ обыкновеннымъ порывомъ, котораго даже никто не можетъ вмѣнить себѣ въ достоинство. А хвалиться имъ, значило бы унижать себя и передъ необычайными событіями и передъ любовью къ Отечеству, ополчавшею души за Отечество.

Замѣчу только, что въ обѣихъ упомянутыхъ статьяхъ означено, что въ моихъ Запискахъ нѣтъ *порядка систематическаго*. «Не ищите въ Запискахъ о 1812 годѣ *систематическаго* порядка о томъ, что было за двадцать четыре года; не ищите рассказа стройнаго, хладнокровнаго, обдуманнаго на досугъ: эти Записки какъ будто писаны въ пылу 1812 года. (*)» Признаюсь, что мо-

---

(*) См. Библіотеку для чтенія.

имъ Запискамъ лучшая похвала то, что въ нихъ не угасъ жаръ своего времени. Въ быстромъ перелетѣ событій 1812 года нѣкогда было приводить *хладнокровно въ систематическое* сцѣпленіе все то, что отблескомъ молніи мелькало въ глазахъ нашихъ. И не только мое перо, но и перо Европейское, не могло затѣяться ни въ какую *систему* тогда, когда Европа, сорванная съ основанія своего мощною рукою исполина нашего вѣка, ожидала въ недоумѣніи: что будетъ съ Россіей и быть ли ей самой Европою или только очередною ступенію всемірнаго обладанія новаго Рима, воздвигаемаго *Наполеономъ*? Но и самъ новый зодчій новаго зданія всемірнаго владычества, затерявшіеся въ

самомъ себѣ, подобно *ливицкой отвагѣ*, летѣлъ по скользкой доскѣ къ пропасти и къ копьямъ, устремленнымъ на него. «Это иноказаніе; а вотъ исторія. «Разноплеменное войско нашествія заключало въ себѣ всѣ тлѣтворныя сѣмена разрушенія. Между начальниками—разномысліе; въ полкахъ—несообразность: въ цѣломъ неустройство. (*)» «Императоръ, распорядивъ все къ войнѣ медленной и стройной, вдругъ отвергъ всѣ предосторожности, увлекаясь своею привычкою, то есть: необходимостію войны мимолетной, побѣдъ быстрыхъ и мира внезапнаго. (**)»

(*) Альфонсъ Раббѣ.

(**) Сегюрѣ.

Мечъ Наполеона торопился ловить быстрыя побѣды и миръ: а душа спѣшила 1812 года ловить порывы духа Русскаго, отражавшаго и побѣды и миръ.

Въ стѣнахъ Москвы, зная объ участи, предстоящей ей въ годину нашествія, я могъ безъ заторопленія наблюдать тогдашнія обстоятельства. За Москвою, отыскивая цѣлый мѣсяцъ мое семейство, я удосуживался раздумываться о своихъ мечтахъ, о судьбѣ Отечества и наблюдать духъ народный; духъ народа смышленаго и который, понимая бѣду Отечества, уравнивался съ великими событіями. Мысль моя — была на стражѣ; а жизнь — въ разгонѣ. Вотъ моя *система* 1812 года. А когда, въ одинокомъ странствова-

ни моему, западала въ сердце грусть невольная, тогда взглядывая на небо, я повторялъ: «Провидѣніе звѣздою благодатною сіяетъ надъ нами и разсѣиваетъ облака, затемняющія путь жизни.»

Вотъ и дополненіе къ моей *системѣ* 1812 года. Чтоже теперь дѣлать? Говорить ли и писать не то, что тогда книжло въ мысли и душѣ? Нельзя: тогда бы я клеветалъ на самого себя. Возразятъ, что надлежало бы кое-что *обдумать по правиламъ критики*. А что такое *критика историческая*? Вотъ, что объ ней говорено было почти за столѣтъ до нашихъ *критикъ*. «Въ наше время, (т. е. въ XVIII вѣкѣ 1750 года): неутомимая *критика* загнала исторію въ потемки безпредѣльнаго

пирронизма. Искжая важнѣйшія событія, она не оставила въ покоѣ и частныя происшествія, отличающіяся какою нибудь рѣзкою чертою. (*)»

Чтоже такое *системы въ исторіи*? Вотъ, что объ этомъ говоритъ наша современность; то есть: 1857 годъ :

«Подъ перомъ историковъ осмнадцатаго вѣка, важнѣйшія событія *исторіи* теряли свое величіе, по тому, что они смотрѣли на нихъ, какъ на предметъ *разсужденія* о какомъ нибудь *трудномъ словѣ*, или какъ на *комментаріи* на какое нибудь *число мѣсяца*.

(*) Histoire de l'Académie des Inscriptions, T. 7, въ прибавленіи, стр. 246.